

Детские школы искусств в современных условиях бытования
(Научный отчет НИЛ МаГК о деятельности ДШИ г. Магнитогорска и
прилегающих сельских районов)

Детское дополнительное образование, рожденное системой социалистического общества, в современных условиях испытывает трудности, прежде всего, идентификационного порядка. Между государством и учреждениями данного типа идет процесс формирования нового типа отношений, аналогичного тому, что возникает между «покупателем» и «продавцом». Если ранее государственная политика в этой сфере регламентировалась идеологическими установками, то при нынешнем подходе приоритетными являются рыночные, среди которых вопрос «за что конкретно платит государство?» доминирует. Ответ на него лежит в плоскости поисков социально-экономических стандартов и целесообразных ориентиров для системы дополнительного образования, определения ее эффективной структуры и масштабов деятельности. Решение этих задач невозможно без исследования сложившейся ситуации, характеристики параметров и специфики функционирования данных учреждений. Первыми шагами в этом направлении видится предпринятый обзорный анализ основных показателей деятельности Детских школ искусств (Детских музыкальных школ), действующих в Магнитогорске и прилегающей к нему сельской зоне.

В создании общей картины функционирования ДШИ использовались сведения различного рода, предоставленные Управлением культуры Челябинской области, Региональным методическим центром при МаГК, школами, отделами культуры, статистическая информация, а также результаты анкетирования преподавателей детских школ искусств.

В совокупности, в Магнитогорской зоне работает 26 сельских и 7 городских учреждений дополнительного образования подобного профиля¹. В исследовании были задействованы материалы о деятельности 18 сельских, 6

¹ Здесь по ряду причин не учитывается информация о деятельности музыкального лицея при МаГК

городских школ и Магнитогорского Дома музыки, составляющих соответственно 70% и 100% от общего числа организаций, что позволяет говорить о репрезентативности использованных данных.

Характеристику ДШИ логичнее начать с анализа «объективных параметров» преподавательских коллективов – образования и возрастных показателей, представив их для наглядности в сравнении сельских и городских школ. Так, на селе 36% педагогов имеют высшее образование, около 25% - высшее профильное, в городе – соответственно 66% и 52% от общего состава. Следовательно, на каждые 100 среднестатистических учащихся в сельской школе приходится 2 педагога с высшим специальным образованием и 6, то есть в три раза больше - в городской. Приведенные сведения в обобщенном виде регистрируют потенциал учреждений Магнитогорской зоны, фиксируя усредненные номинальные возможности. В реальности же деле обстоит так. Все «негородские» школы схематично можно разделить на 3 группы, условия бытования которых практически напрямую связаны с типом населенного пункта: 1 - районные школы, 2 - школы относительно крупных населенных пунктов и 3 - собственно сельские. Школы, располагающиеся в районных центрах (Чесма, Варна, Агаповка, Карталы, Кизил, Верхнеуральск и др.), по своим показателям значительно превосходят сугубо сельские (3). Последние (в поселках Андреевский, Комсомольский, Павловский Брединского района, Остроленко Нагайбакского района и др.) характеризуются небольшим в количественном отношении ученическим контингентом (преимущественно 40-38 человек) и педагогическим коллективом (4-6 человек). Промежуточную позицию в этом списке занимают ДШИ, которые расположены в поселках, имеющих крупные агропромышленные или производственные комплексы, например, Приморский, Буранный Агаповского района, Локомотивный Карталинского района и др. Для сравнения ниже приводится таблица, в среднем характеризующая образовательный уровень педагогических коллективов сельских школ по группам:

Школы	Кол-во педагогов с высшим образованием	Кол-во педагогов с высшим профильным образованием
Районные	47%	29%
Крупные, поселковые	31%	20%
Небольшие сельские	12%	4%

Городские школы также обладают разным образовательным потенциалом, и цифровые показатели количества преподавателей, имеющих, высшее и высшее профильное образование колеблются от 55% и, соответственно, 39%, (Магнитогорский дом музыки) до 89% и 65% (ДШИ №6).²

Обратимся к характеристике возрастных показателей педагогических коллективов. В этом качестве выступает не биологический возраст преподавателей, а стаж их работы, что кажется более целесообразным. На селе примерно 30% молодых преподавателей, у которых стаж не превышает 10 лет, около 38% педагогов среднего возраста со стажем работы 10-20 лет и свыше 30%, работающих более 20 лет. В городе соответственно эти показатели составляют 20%, 17% и 63%.

На первый взгляд в учреждениях дополнительного образования сельской зоны вырисовывается достаточно благополучная картина. В отличие от городских, в коллективах этих школ очевидно преобладание так называемой среднего возраста категории педагогов со стажем работы в пределах 10-20 лет, и достаточно пропорциональное соотношение молодых (стаж работы до 10 лет) и преподавателей старшего возраста (стаж работы 20 и более лет). Однако приведенная выше информация, в общем выявляя доминирующие тенденции, иногда не отражает истинного положения дел в отдельно взятой организации или даже типовой группе. Поэтому есть необходимость зафиксировать ситуацию по каждому типу школ. В целом,

² Можно отметить некоторые значимые обстоятельства, которые способны оказывать существенное влияние на его формирование: это месторасположение учреждений внутри города («окраинные» и «центральные» ДШИ), условия для занятий, личностные качества руководителя, сложившиеся в школе традиции и взаимоотношения и т.д.

расчетные средние показатели совпадают со сведениями, характеризующими возрастные параметры коллективов районных школ (1). Здесь расхождение со статистическими данными даже в самых крайних случаях не превышает 0,5 раза. В некоторых школах крупных поселков (2) отслеживается тенденция «старения» педагогических организаций, когда доля преподавателей старшего возраста составляет 62% и даже 67% (Светлое Чесменского района, Приморский Агаповского района). Нельзя не отметить и, условно говоря, возрастные «перепады» в отдельных коллективах, где нет педагогов среднего возраста (Новый Урал Варненского района) и очень высок процент молодых преподавателей (до 75%). В собственно сельских школах (3), учитывая небольшой численный педагогический состав, эта проблема становится еще более острой. Например, в ДШИ села Обручевка из 5 преподавателей 2 – средней возрастной категории, а 3 – старшей. В то же время в Селе Павловском Брединского района 3 молодых педагога и 1 – среднего возраста.

Следует еще раз подчеркнуть, что внимание было акцентировано на тех случаях, которые свидетельствуют о значительном расхождении со среднеарифметическими показателями в ту или иную сторону.

В городских школах, как явствует из приведенной статистики, ситуация более однозначная и менее позитивная: для большинства учреждений актуальна проблема «старения» коллектива. Из 7 организаций только в двух - ДШИ №6 и ДШИ №7 – процент преподавателей старшего возраста не преобладает над другими возрастными категориями.

Таким образом, анализ информации о возрасте и образовании педагогов дает возможность отметить следующие факты кадровой обеспеченности школ искусств города Магнитогорска и сельской зоны, которые теоретически могут неблагоприятно сказываться на их деятельности:

- несмотря на то, что области функционируют 3 профильных высших учебных заведения сферы культуры и искусства и 2 академических

университета, большая часть преподавателей школ (суммируя вместе сельские и городские) не имеет высшего образования;

- нарушены пропорции возрастной преемственности - практически половину преподавательского контингента составляют педагоги старшего возраста, тех, кто имеет стаж 20 и более лет.

Опуская комментарии по поводу приведенных фактов, которые будут изложены в заключительном разделе, обратимся к рассмотрению других сведений, характеризующих коллективы учреждений дополнительного образования. Определенный интерес представляет информация о квалификации педагогов. «Определенный», поскольку это показатели, условно говоря, оценочного плана и, следовательно, субъективного свойства. Вне специального контекста такая информация может использоваться лишь в качестве дополнительной к основной характеристике коллективов. Ниже приводится таблица сравнительных данных по городским и сельским школам, из которой явствует, что существенно расходятся показатели лишь в графе, фиксирующей количество преподавателей, имеющих высшую квалификацию, и как следствие этого - в той, где приводится итоговый результат:

Школы	Количество педагогов с высшей категорией	Количество педагогов, имеющих 1 категорию	Количество педагогов, имеющих 2 категорию	Всего педагогов, имеющих категорию
Сельские	≈10%	28%	≈32%	≈70%
Городские	≈20%	30%	35%	85%

Если сравнить сведения по разным видам сельских школ, выясняется, что данные о педагогической квалификации небольших сельских коллективов по некоторым позициям почти вдвое ниже среднестатистических по Магнитогорской зоне:

Школы	Количество педагогов с высшей категорией	Количество педагогов, имеющих 1 категорию	Количество педагогов, имеющих 2 категорию	Всего педагогов, имеющих категорию
Районные	9%	31%	≈33%	73%
Крупные,	≈13%	≈27%	31%	70%

поселковые				
Небольшие сельские	4%	16%	28%	48%

Любопытно проанализировать информацию об ученическом контингенте школ Магнитогорской зоны. Простейшие расчеты показывают, что на одного среднестатистического преподавателя школы сельской зоны приходится почти 12 среднестатистических учащихся, тогда как городской – ≈ 9 . Причем, в районных школах этот показатель приближается к 13, в поселковых равняется 10, в собственно сельских – 11. Такого рода полученные результаты относятся к категории абстрактных - их функция заключается не в демонстрации абсолютного цифрового значения, а в обнаружении определенной тенденции. При сопряжении расчетных данных со сведениями о комплектации школ педагогическими кадрами, составляющими в городских ДШИ $\approx 100\%$, районных – $\approx 98\%$, в поселковых - $\approx 90\%$, в небольших сельских - от 60 до 80%, выясняется, что отсутствует явно выраженная прямая зависимость между этими двумя величинами. Даже в городских ДШИ показатели в отдельно взятой школе отличаются от средне статистических в ту или другую сторону. Например, в ДШИ №7 на одного преподавателя приходится 13 условно взятых учащихся, а в ДШИ №2, ДШИ №3 и Дома музыки – почти 8, близки к средним результатам ДШИ №4, ДШИ №6, чуть выше – в ДШИ №1. Следовательно, при прочих допустимых версиях, возможное объяснение может крыться в различном соотношении группового и индивидуального способов обучения в каждой отдельно взятой школе, иными словами - в существовании различных направлений в образовательном процессе ДШИ. К традиционному - музыкальному, основанному на индивидуальном подходе, в период перестройки добавилось общехудожественное или эстетическое с доминирующим групповым способом обучения учащихся, обусловившим переименование музыкальных школ в школы искусств. Судя по расчетам, доля обучающихся на музыкально-исполнительских отделениях уменьшается в «центробежном» движении: от города к селу, от центра к периферии.

Например, в Магнитогорске, школы, находящиеся в левобережной части, в большей степени ориентируются на общехудожественное направление, нежели центральные, вовлекая, таким образом, в сферу своего обслуживания необходимое для существования количество учеников. Вместе с тем, нельзя не отметить и такого парадокса: спрос на музыкальное обучение выше не только в центральных школах, где существует возможность отбора детей в учреждения в дополнительного образования, но и в небольших сельских, условия которых не позволяют проводить групповые занятия по общеэстетическому направлению.

Далее остановимся на анализе статистических данных о выпускниках ДШИ. Только четвертая часть от поступивших в школу учеников оканчивают ее. Здесь цифры как сельских, так и городских школ практически совпадают. Из них примерно 11% сельчан и 6% горожан продолжают обучение в специальных учебных заведениях, на различных отделениях учреждений культуры и искусства. Чтобы составить примерную картину о выпускниках-музыкантах ДШИ, рассмотрим контингент обучающихся в музыкальном колледже МаГК им. Глинки. По сведениям на 2005-2006 учебный год всего на 4-х курсах обучается 148 студентов. Около 15% от этого числа составляют учащиеся, окончившие сельские школы, относящиеся к Магнитогорской зоне, и более 57% - магнитогорцы. Последняя цифра складывается из 32% выпускников музыкального лицея при МаГК и 25% выпускников городских школ.

Было бы заблуждением считать, что целью настоящего аналитического обзора является сопоставление ДШИ города и сельской зоны – сравнительная характеристика является лишь средством создания общей панорамы функционирования учреждений с учетом различных условий бытования. Необходимым дополнением к такой картине может стать анализ масштабов деятельности ДШИ. Соотнесение размеров детского населения Магнитогорской зоны и охваченности его системой дополнительного художественного образования позволяет обозначить социокультурную роль

организаций такого типа. Материалы, предоставленные Управлением культуры Челябинской области, свидетельствуют, что в среднем от 5,7% до 15,6% детского населения заняты этим видом деятельности в сельской зоне. Ранжируя по степени охваченности, районы можно расположить примерно следующим образом (в возрастающем порядке): Кизильский, Агаповский, Брединский, Варнинский, Верхнеуральский, Чесминский, Карталинский, Нагайбакский. Непосредственно в районных центрах эти данные выше, самые высокие показатели отмечены в Фершампенуазе, наибольшее же в процентном отношении количество школьников, посещающих ДШИ, зафиксировано в поселке Локомотивном, где оно составило более 30%. Таким образом, в целом примерно десятая часть учащихся Магнитогорской (сельской) зоны пользуется услугами детских школ искусств. В самом Магнитогорске число детей получающих такой вид дополнительного образования составляет чуть более 7%. Приведенные цифры соответствуют средним показателям по Челябинской области ³, и, следовательно, свидетельствуют о том, что функционирование школ искусств Магнитогорской зоны осуществляется в русле единых региональных социокультурных тенденций. В этой связи интересно отметить, что роль ДШИ в социальной жизни небольших муниципальных образований весьма значительна, поскольку они представляют собой учреждения широкого спектра действия, нежели только дополнительного образования. Наряду с воспитанием и совершенствованием подрастающей личности учреждения такого типа осуществляют концертно-филармоническую, просветительскую и другие виды деятельности, компенсируя тем самым неразвитость культурной инфраструктуры в условиях региональной периферии. Можно предположить, что характер функционирования школ зависит как от уровня профессиональной компетентности коллективов, так и от масштабов населенного пункта. В крупных городах на фоне большого количества

³ охваченность детского населения в Челябинской области услугами ДШИ составляет 9,6%, непосредственно в Челябинске – 6,7%.

предложений в сфере внешкольного досуга учащихся и насыщенности культурно организованного пространства наблюдается «сужение» социокультурной функции ДШИ, что проявляется в том числе и в невысокой степени охваченности школьников таким видом деятельности (в Челябинске – 6,7% при детском населении 102338 чел., Магнитогорске – 7, 6% из 40964 чел., Златоусте – 10,6% из 16452 чел. и т.д.)

В общей характеристике детских школ искусств были задействованы количественные показатели, которые способствовали созданию достаточно объективной, но несколько «одномерной» картины. Ведь цифровая статистика, предлагая обширный материал для анализа, не в состоянии учесть так называемые социально-психологические факторы, роль которых весьма важна в деятельности подобных учреждений. Для углубления такого аспекта исследования был проведен опрос фронтального типа преподавателей школ искусств Магнитогорска и прилегающей к нему сельской зоны (в период с ноября 2004г. по апрель 2005г.). Из общего числа анкет по ряду причин только третья часть оказалась пригодной для анализа, что существенно усложнило задачу. Ведь репрезентативность эмпирической базы, сформированной по принципу случайного отбора, без конкретной выборки, т.е. учета процентного соотношения индивидуумов по отношению к исследуемому объекту в целом, достаточно сомнительна. Однако в процессе обработки анкет выяснилось, что собранный материал по основным параметрам может быть представительным для характеристики изучаемой социальной группы. Так, возрастной диапазон опрошенных составляет 21 – 64 года, а средний возраст - 37 лет, Более конкретный анализ выявляет почти 21% респондентов возрастной категории от 20 до 29 лет, приблизительно столько же от 40 до 49 лет, чуть более 45% - от 30 до 39 и 9% - от 50 и выше. Испытуемые преимущественно женского пола (88,5%), и более трети (34,5%) имеют высшее образование, что вполне соотносимо с общими статистическими показателями педагогического контингента школ искусств Магнитогорской зоны.

При обследовании была предпринята попытка выявить уровень профессиональных запросов, социальный и культурно-познавательный статус респондентов. Испытуемым также предложили заполнить два теста с целью определения специфических особенностей их личностно-психологического развития.

На вопрос «нравится ли профессия музыканта» половина опрошенных ответили утвердительно, еще 44% были уклончивы, подчеркнув, что профессия «скорее нравится, чем не нравится». При этом более 55% указали, что она соответствует их склонностям, но только 20% обозначили ее как «смысл всей жизни». Преобладание «умеренных» ответов прослеживается и в оценке уровня своих профессиональных знаний и умений – почти 50% считают, что он средний, еще 30% - что выше среднего и только 16% полагают, что они обладают достаточно высокой степенью профессионализма. Вместе с тем, почти третья часть респондентов надеется, что они - хорошие педагоги и исполнители, еще 39% «работают над собой, чтобы стать хорошими специалистами». В планах на будущее большее число респондентов (62%) намеревается продолжать совершенствовать свои профессиональные качества, хотя пятая часть предполагает сменить работу и специальность, еще 16% затруднились дать ответ.

Сложность анализа представленных ответов заключается в том, что о внутреннем мире респондентов приходится судить по «сугубо внешним проявлениям». Нельзя не согласиться с Р. Г. Гуровой, которая отмечает, что именно вопросы такого рода «чаще всего вызывают стремление представить себя в лучшем свете, выдать желаемое за действительное»⁴. Попытка получить более или менее достоверные результаты требует корреляции мнений, впечатлений испытуемых, рассмотрения их реакции в единстве и взаимосвязи. Ответы респондентов, взятые в оптимальном сочетании друг к другу с точки зрения профессиональной избирательности, фиксируют

⁴ Гурова Р.Г. Применение социологических методов в педагогических исследованиях // Проблемы методологии педагогики и методики исследований. – М., 1971 - С. 189.

«идеальный» вариант отношения к профессии и самосовершенствования в этом направлении - их высказывания могут выступать, условно говоря, индикатором высокого уровня профессиональной увлеченности. Обнаружилось всего 17% таких индивидов: из них 13% - с высшим образованием и 19% - со средним. И хотя за приведенными цифрами не стоит абсолютное количественное значение, вскрытая тенденция явно настораживает: только (плюс-минус) пятая часть педагогического коллектива рассматривает свою профессию как важный фактор собственной жизни. Гораздо большее число преподавателей определяет менее значимые позиции для нее на периферии своих жизненных интересов.

Было бы упрощением объяснять такое положение дел личностной незрелостью или профессиональной несостоятельностью испытуемых. Думается, что это, прежде всего, реакция на социальную непрестижность избранной профессии, скрытый протест против сложившейся ситуации. Демонстрируя «профессиональную» пассивность или стремление сменить работу, респонденты выражают таким образом неуверенность, опасения по поводу значимости для общества данного вида деятельности и, следовательно, своей дальнейшей судьбы. Не случайно, изрядная часть преподавателей косвенным образом отказалась участвовать в проводившемся анкетировании, что реально проявилось в большом количестве так называемых «испорченных» анкет, оказавшихся непригодными для изучения⁵. Данную трактовку подтверждают и полученные результаты психологического обследования, фиксирующие значительный процент респондентов с низкой эмоциональной оценкой деятельного самосознания и возможности развития в будущем, находящихся в ситуации, близкой к психологическому дискомфорту. Подавляющее большинство опрошенных – 67% - обладает повышенной застенчивостью, что проявляется в стрессовом реагировании на жизненные ситуации, протекающему по пассивно-

⁵ Непригодными являются анкеты, в которых незаполненными оказываются либо более 25% текста опросника, предложенные тесты, либо отсутствует «паспортичка», т.е. сведения о респонденте.

оборонительному типу. Такая черта характера сочетается с тревожностью, скованностью, неуверенностью, следствием чего могут явиться трудности в социальных контактах – «индивиды; считающие, что они никому не нужны, не могут нравиться, ведут себя исходя из этой предпосылки и интерпретируют соответствующим образом реакции окружающих».

Кроме того, в процессе тестирования выяснилось, что 62% респондентов имеют высокие результаты по шкале «невротичность». Эту особенность подтверждают повышенные показатели, диагностирующие склонность к раздражительности ($\approx 48\%$), эмоциональной лабильности ($\approx 51\%$), которая выражается в частых колебаниях настроения, увеличенной возбудимости, недостаточной саморегуляции. Говоря о невротичности, необходимо уточнить, что педагогам вообще свойственна особая чувствительность, она и есть причина повышенной «откликаемости» и реагирования, приводящих к повышенному расходу психической энергии⁶. К. Юнг отмечает, что в некоторых случаях трудности приспособления к реальности и побуждает невротика экономить энергию, отчего он и уклоняется от своего пути. «Невроз — это и страдание по своему пути и защита от деятельности души, попытка уклониться от внутреннего голоса».⁷ Как доказывают психологи, повышенная невротичность – один из факторов развития синдрома «эмоционального выгорания (сгорания)»⁸, причиной возникновения которого может стать несоответствие ожиданий связанных с профессией и реальной действительностью.

У половины респондентов были выявлены средние показатели уровня реактивной агрессивности - данный вид агрессивности характеризуется «воинственным» отношением к социальному окружению. По мнению ученых, желание занять ведущие позиции в процессе социального взаимодействия свойственно людям внутренне незащищённым, неуверенным в себе, к тому же это не противоречит характеру профессиональной педагогической

⁶ Зарубежный психоанализ. Хрестоматия. С.-Петербург, 2001, с.187-210.

⁷ Там же

⁸ «burnout sindrom»

деятельности. У опрошенных зафиксированы три преобладающих типа межличностных отношений, из которых второй и третий явно преобладают:

- властно-лидирующий, представители которого обладают «быстротой реакции, высокой активностью, выраженной мотивацией достижений, чертами организатора, руководителя»;
- независимо-доминирующий – для его обладателей свойственно «мнение окружающих воспринимать критически, собственное – достаточно категорично отстаивать; низкая подчиняемость, их эмоциям недостает тепла, поступкам – конформности; вместе с тем владеют нешаблонным, творческим стилем мышления»;
- недоверчиво-скептический – характеризуемый «системным мышлением, опирающимся на конкретный опыт, практичностью, реалистичностью, склонностью к иронии, высокой конфликтностью, которая может быть не столь явной и аккумулироваться, создавая тем самым повышенную напряженность, а также обособленностью, замкнутостью, ригидностью установок, критическим настроением к любым мнениям кроме собственного».

Таким образом, подводя итоги данной диагностики, следует констатировать, что у большей части респондентов вполне определенно вырисовывается доминирующий «дезадаптивный», т.е. защитный (в широком смысле) стиль поведения⁹. Он обусловлен множеством причин, среди которых профессиональная деятельность выступает важнейшим фактором «психических перенапряжений» - противоречивые чувства, сомнения в правильности выбора, скрываемое недовольство собой и другими являются выраженными стрессогенными факторами.

Наряду с этим, средние показатели общительности, экстраверсии-интроверсии респондентов (61%) свидетельствуют о смешанном характере

⁹ необходимо иметь в виду, что речь идет о преобладающей тенденции, нежели оперировании абсолютными цифровыми показателями. Возможны погрешности, допущенные при заполнении анкет и их обработке, что влияет на вариативность сочетаний разных шкал, определяющих характер взаимодействия респондента с окружающим миром

коммуникативности - способностей, связанных с установлением, поддержанием и сохранением хороших личных и деловых отношений. Принято считать, что экстравертам свойственны импульсивность, гибкость поведения, большая инициативность и высокая социальная приспособляемость. Интровертам присуща необщительность, замкнутость, социальная пассивность, склонность к самоанализу и затруднения в социальной адаптации. Следовательно, процесс общения, сочетающий различные формы, определяется в психологии как амбивертность, то есть строящийся на основе проявления интровертированности и экстравертированности в зависимости от ситуации, что позволяет достаточно позитивно оценить коммуникативные возможности большей части опрошенных.

Помимо тестовой методики, в исследовании были задействованы вопросы, направленные на выявление информационно-познавательного и художественно-эстетического потенциала респондентов. Это было обусловлено тем, что важнейшим параметром характеристики преподавателей является выражаемый ими интерес к культуре, понимаемый довольно широко, как интерес науке, другим видам искусства, политическому устройству общества, морали, экономике и др. формам созидания, что является условием успешности профессиональной работы педагога и в то же время репрезентирует его личностные качества. Оценивая информационно-познавательный уровень, заметим, что у большей части респондентов зафиксированы достаточно высокие результаты – почти 60% испытуемых продемонстрировали широкий информационный кругозор. Вместе с тем, показатели художественных предпочтений и вкусовых ориентаций удручающе низкие: почти две трети опрошенных не смогли (или не захотели) обозначить область своих интересов, назвав понравившееся произведение какого-либо вида искусства. Из общего числа ответов только 2% свидетельствуют об, условно говоря, сформированном художественном вкусе. При этом эстетические качества названных произведений не

выполняли функцию главенствующего индикатора – в большей степени учитывалась способность испытуемого назвать автора сочинения, постановки и т. д., разносторонность и самостоятельность художественных предпочтений.

Анализ этих данных заставляет обратиться к теории американского ученого А. Маслоу о формировании потребностей личности. По его мнению, иерархию потребностей можно представить в виде пирамиды, состоящей из пяти уровней. В основании лежат два базовых уровня — биологические потребности организма и потребности в безопасности и комфорте, затем следуют еще два уровня социальных потребностей в любви, дружбе, внимании, одобрении, а также потребности в уважении и признании. И наконец пятый уровень - вершина пирамиды — эстетические потребности, потребности в познании и самореализации. Первые четыре уровня относятся к дефицитным нуждам, поскольку имеют решающее значение для физиологического и психологического комфорта, верхний – «образует нужды роста», которые никогда не могут быть полностью удовлетворены и являются источниками высоких устремлений и целей. Упрощенно говоря, потребности более высокого уровня не становятся актуальными, пока не претворены потребности нижних рядов - их дефицит сразу даёт о себе знать. Каждый уровень пирамиды символично отражает количество людей, которым свойственны те или иные потребности: по мере движения вверх уменьшается доля индивидуумов. Значит, следуя этой теории, приведенное выше в отчете количество респондентов с развитым художественным вкусом можно рассматривать не только как показатели уровня культурного развития, но и как своеобразный индикатор общественного благополучия, состоятельности исследуемой социальной группы.

Итак, изучение различных данных о деятельности детских школ искусств Магнитогорска и прилегающих сельских районов дает возможность в общем плане обрисовать ситуацию, сложившуюся в данной сфере дополнительного образования. В настоящее время около шести с половиной

тысяч из приблизительно 75500 школьников Магнитогорской зоны пользуются услугами учреждений подобного типа. Поскольку приводятся количественные показатели, возникает вполне правомерный вопрос: каким образом оценивать предоставленные цифры, насколько они существенны с точки зрения функционирования таких организаций в социально-культурной сфере? Скорее всего, однозначный ответ на него можно получить, когда будут установлены некие критерии, выступающие мерилем эффективной деятельности учреждений дополнительного образования. В свою очередь, отсутствие каких либо целесообразных нормативов обусловлено неопределенностью функций и статуса детских школ искусств в современном культурном пространстве. Ранее существовавшие как музыкальные школы, они оценивались, прежде всего, по количеству подготовленных выпускников, способных продолжать профильное обучение в среднем и высших звеньях сферы культуры. Трансформация старой формы – ДМШ в ДШИ - в соответствии с новыми условиями, способствовала, с одной стороны, расширению сферы оказываемых услуг, а с другой – снижению уровня функциональных требований им предъявляемым. Таким образом, количественные показатели деятельности ДШИ можно оценивать с разных позиций. Во-первых, в рамках прежних требований (как ДМШ) такая цифра достаточно значительна. Дело в другом - процент оканчивающих школы и продолжающих профильное обучение в дальнейшем оказывается гораздо ниже, чем раньше. Во-вторых, если рассматривать нынешние школы как учреждения, развивающие эстетические наклонности подрастающего поколения, то количество занятых в них ничтожно мало. Думается, здесь нет надобности подробно останавливаться на социальной полезности такого типа культурных благ и необходимости в охваченности ими детского населения в полном объеме. И в третьих, указанная цифра лишь в усредненном варианте фиксирует число учащихся. В отчете приводились примеры неравномерного распределения влияния школ искусств, что в особенности касается сельской зоны. Значит, есть необходимость отслеживать процент обучающихся не в

общем виде, а дифференцированно, по типам населенных пунктов, отталкиваясь от численности детского населения в них. Таким образом, учитывая все вышесказанное, заметим, что количественные показатели должны быть адекватны социальным потребностям, с одной стороны, и запросам собственно культурной деятельности – с другой, и распределяться соответственно двум направлениям деятельности: эстетически развивающему и профессионально-ориентированному.

В продолжение обсуждения проблем, выявленных в процессе исследования, уместно остановиться на весьма сложном вопросе о комплектации ДШИ педагогическими кадрами. Переход учреждений дополнительного образования к новым экономическим условиям бытия требуют иного механизма кадровой работы. С одной стороны, детские школы искусств нуждаются в молодых, способных, хорошо обученных преподавателях. При этом предпочтительны специалисты, имеющие высшее образование, поскольку взаимообусловленность образовательного статуса и уровня культурных притязаний личности научно аргументирована. С другой - ученые доказали, что наиболее эффективна деятельность так называемой средневозрастной группы педагогов, имеющих стаж работы от 5 до 20 лет. Именно у них, наряду с профессиональной компетентностью наблюдается психологическая стабильность, так недостающая молодежи, зачастую испытывающей комплекс несоответствия ожиданий связанных с профессией и реальной действительностью, а также педагогам старшего возраста, вступающих в период «кризиса идентичности личности», когда перед личностью остро встают вопросы о целесообразности жизненных устремлений, переоценки ценностей. С этих позиций целесообразность регулирования «возрастных параметров» коллективов очевидна. Все обозначенные выше требования кадровой политики вступают в явное противоречие с традиционно низкой оплатой труда в этой сфере¹⁰,

¹⁰ Об этом более подробно см. в «Экономических основах культурной деятельности», том II – СПб: «Алетейя», 2002 – С. 353

социальной незащищенностью, а также весьма «скромными» условиями бытия, особенно в сельской зоне, усиливая отток молодых сил и обостряя проблему «старения» коллективов. Отсутствие системы распределений, широко практикуемой во времена социализма, делает ситуацию в существующих условиях трудноразрешимой. Кроме того, одним из ключевых звеньев успешной работы с кадрами является оценка педагогов школ, их личного вклада в результаты деятельности конкретной организации. В связи с этим, необходимы объективные критерии оценки деятельности преподавателей, могущие реорганизовать недействующую ныне систему материальных и моральных стимулов. Нельзя не согласиться с тем, что затронутая проблема более претендует на очевидный трюизм, нежели на открытие. Однако ее постановка совершенно необходима, поскольку может способствовать поиску возможных способов ее разрешения, а, следовательно, способствовать оптимизации работы ДШИ как с точки зрения преодоления дефицита кадров, так и перспектив дальнейшего развития.

В заключение заметим, что культура была, есть и будет убыточной отраслью любого государства, и мировая практика доказала - обязательная государственная финансовая поддержка есть фундаментальная основа существования таких организаций. Стало быть, доходы работников организаций культуры определяет и гарантирует государство, что означает в реальности существование жестко регламентированных правил формирования фонда заработной платы и его распределения между отдельными работниками. Таким образом, наличествующая система оплаты труда противоречит внедрению механизма рыночных отношений (каждому по затратам и способностям), делая их взаимоотношения пока заведомо нефункциональными. Поиски путей и возможностей изменить ситуацию, улучшить финансирование учреждений сферы культуры заставляют обратить внимание на различные эксперименты по модернизации экономического обеспечения культурной жизни, опробуя те формы, которые давно используются в странах с развитой экономикой. Ученые Государственного

института искусствознания, Института социальной экономики предлагают, в частности, апробировать инвестиционные и контрактные формы бюджетного финансирования производителей культурных благ, а также новую организационно-правовую форму – государственную некоммерческую компанию и т.д. Важно помнить, что, несмотря на развитие новых экономических отношений, сфера культуры «принадлежит к тем секторам общественной жизни, где определить реальные результаты ее работы, не подменяя их утилитарными и сиюминутными выгодами, более чем сложно, а может быть, в режиме текущего времени и просто невозможно»¹¹.

¹¹ Экономические основы культурной деятельности. Том II – СПб: «Алетейя», 2002 – С. 197.